

Вершок, И.Л. О типологии правового сознания в контексте глобализации и регионализации / И.Л. Вершок // Право и практика. – 2016. – № 1 (15). – С. 36–40.

Вершок Ирина Леонидовна,

доцент кафедры теории и истории государства и права

Белорусского государственного университета,

г.Минск, Республика Беларусь

кандидат юридических наук

Viarshok Irina Leonidovna

PhD, Associate Professor of Theory and History State and Law

of the Law faculty of the Belorussian State University

**О типологии правового сознания в контексте глобализации и
регионализации**

**About the typology of the legal consciousness in the context of globalization and
regionalization**

Аннотация: в статье исследуются природные, социальные и технологические факторы, влияющие на содержание правового сознания и его дифференциацию. Важнейшей причиной глобализационных процессов, вызывающих появление новых видов правосознания, признается развитие двух составных частей социально-правовой действительности: материальной и виртуальной реальностей, что вызывает необходимость пересмотра механизма формирования правового сознания в качестве сложного коммуникационного процесса.

Ключевые слова: сознание; правовое сознание; национальное, международное и межгосударственное правосознание; глобализация; регионализация; коммуникационный процесс формирования правового сознания.

Abstract: In the article the author investigates the natural, social and technological factors influencing the content of legal consciousness and its differentiation. The most important cause of globalization and the moulding of a new kind of legal consciousness is development of the legal reality: physical and virtual reality. This makes it necessary to review the mechanism of the formation of the legal consciousness as a complex communication process.

Key words: consciousness; legal consciousness; national, international and inter-state legal consciousness; globalization; regionalization; the communication process of formation of legal consciousness.

Современное развитие национальных государственных и правовых систем проходит в условиях глобализации и одновременно усиливающейся реакции на ее процессы в виде регионализации. При этом наличие глобализации констатируется в теории и на практике преимущественно в определенных сферах (экономической, правовой, внешнеполитической), однако остается нераскрытой проблема уяснения причин и тенденций изменения содержания общественного сознания и, соответственно, – правового сознания под влиянием глобализационных и регионализационных процессов, детерминируемых, в свою очередь, не только социальными, но и природными, а также техногенными факторами. В условиях усугубляющихся кризисных явлений на международном, межгосударственном и региональном уровнях вопрос изменения ценностной основы правосознания на фоне обострения глобализационных процессов получает особую актуальность и требует пересмотра в контексте новой, постнеклассической парадигмы, методологически по-новому поставившей под сомнение саму проблему первичности сознания или материи, противопоставления материального и идеального, субъективного и объективного, а также стремящейся гармонично синтезировать достижения гуманитарных, естественных и технических наук.

Следует подчеркнуть, что основы творческого, критического переосмысления передового западного опыта, признания самобытности

национальной правовой действительности и, соответственно, соответствующего правосознания были заложены представителями русской классической юридической науки, в частности, К.А.Неволиным. Характерно, что концепцию законоведения К.А. Неволина достаточно сложно с абсолютной точностью отнести к теориям юридического позитивизма либо естественного права, традиционно дихотомично противопоставляемым в парадигме классического знания эпохи Нового времени. Его прогрессивные для своего времени политико-правовые и теоретико-правовые воззрения направлены на попытку найти компромисс, органично сочетать в законодательстве естественно-правовой и позитивистско-правовой элементы [1, с. 59-67], что в современной юридической науке на основе преемственности, не отрицаемой постнеклассической методологией, получило всестороннее отражение в интегративной теории правопонимания. Так, с одной стороны, К.А. Неволин, разделяя законы на естественные и положительные, за основу классификации фактически взял возможность познания законов непосредственно умом или из действующего в государстве законодательства [1, с. 59-67]. То есть, философом опосредованно были выявлены важные различия в сфере правосознания, направленного на осмысление естественного права (базирующегося на критериях моральной, нравственной, религиозной природы и метафизически воспринимаемого человеком в качестве правды – правосознания в широком смысле) и правосознания в области изучения позитивного права (узко-юридически воспринимаемого на основе позитивистских методов познания в случаях непосредственного участия в правотворческой и (или) правореализационной практике – правосознания в узком смысле, «законосознания»).

С другой стороны, продолжая традиции исторической школы права, в перечне необходимых причин, детерминирующих дух и развитие законодательства, К.А. Неволин рассмотрел «свойство племени, к которому принадлежит народ, и свойство земли, где он живет, как то: ее величина, фигура, положение относительно других стран, климат, плодоносность...», при

этом «мера участия, какая в образовании законодательства принадлежит обычаям и законам, бессознательной или сознательной деятельности, а равно и законооведам, зависит от степени умственного и нравственного развития общества» [2, с.53]. Фактически им были признаны важнейшие детерминанты не столько законодательства, сколько правосознания, получающего свое выражение в практике законотворчества.

Признавая усиливающуюся тенденцию содержательной дифференциации нравственно-правового и юридико-правового сознания применительно к современной правовой действительности, необходимо констатировать появление значительного количества не только социальных и природных, но и технологических факторов, влияющих на дальнейшее развитие правосознания. Характерно, что уже К.А. Неволным в контексте изучения особенностей законотворчества среди таких детерминант справедливо признаны географические факторы среды обитания, исторические традиции, и даже «бессознательные действия», что требует отдельного детального научного осмысления. Кроме того, с количественно-качественным усложнением правового сознания появляется больше социальных и межличностных конфликтов, основанных на коллизии правосознания в связи с несовпадением частного, общественного и государственного интересов и иерархии ценностей. Однако в общетеоретической правовой литературе при изучении правового сознания оно традиционно признается как разновидность общественного сознания, при этом делаются общеправовые сложноприменимые на практике выводы о его предназначении, структуре, механизме формирования, нивелируя значение правосознания как важнейшего условия развития национальной государственности и национального права, формирования национальной идентичности и самоопределения в условиях глобализационных процессов. Действительно, «ведущие причины любых социальных событий... лежат на информационном уровне развития социума, то есть, массового сознания», «социального самоотождествления» [3].

Признавая объективный характер явления глобализации и наличие в нем как позитивных, так и негативных моментов, необходимо признать в качестве одной из важных его причин происходящие существенные технологические изменения, которые, в свою очередь, коренным образом детерминируют сознательные процессы как на индивидуальном, так и на массовом уровнях. В целях оценки глобализации как важнейшего современного фактора универсализации и одновременно дифференциации правосознания необходимо учитывать, что в литературе справедливо проводится грань различия между глобализацией как тенденцией, «определяемой мощью цивилизации, ее способностью эффективно проецировать себя в планетарном масштабе» [4, с. 259], и глобализмом как определенным цивилизационным стандартом, мировоззрением, имеющим свои теневые стороны и порождающим собственную антитезу – идеологию и движение антиглобализма. В связи с этим глобализм как тенденция, как естественный процесс, предтеча определенного цивилизационного стандарта и мировоззрения существовал и оказывал активное воздействие на государство и право практически всегда и на всех этапах человеческой цивилизации [4, с. 259], формируя ценности глобального, международного и межнационального правосознания и нередко содействовал решению глобальных задач мирового масштаба по обеспечению безопасности в природо-ресурсной, антитеррористической, информационной и, особенно, финансово-экономической, сферах. Примечательно, что современной ценностной основой такого действительно глобального уровня правосознания является концепция устойчивого развития, отраженная в ряде международно-правовых документов и доктринальных источников, что фактически приводит к отождествлению его с законосознанием. С другой стороны, глобализм как определенное, сформировавшееся явление в виде «цивилизационного стандарта» и «планетарного мировоззрения, появляется и воздействует на национальные и государственные и правовые институты лишь на самых поздних стадиях развития мировой цивилизации» [4, с. 259], вызывая справедливую реакцию в виде формирования национальной идентичности,

самобытности и культурной дифференциации и являясь предпосылкой формирования национального и (или) регионального правосознания. В связи с чем ответом на глобализацию является регионализация, носящая энтропийный характер. Она побуждает возрождение национальной культуры и правосознания, их ценностных составляющих на основе моральных, религиозных и (или) традиционных характеристик конкретной национальной общности и является базисом для развития нравственно-правового сознания.

Необходимо отметить, что современные противоречивые глобализационные и регионализационные процессы, происходящие в правовом сознании, обусловлены появлением и дальнейшим стохастическим развитием современного информационного пространства и соответствующей ему новой реальности наряду с ранее существующей и воздействующей на сознание человека объективной действительностью, которая в классической философской науке обычно называется материальным миром. То есть, вместе с прежней, имеющей качество материальности и осязаемости, развивается иная – виртуальная действительность (виртуальная реальность, искусственная реальность, электронная реальность, компьютерная модель реальности) как результат распространения электронных технологий передачи информации. Она конструирует новый искусственный мир, частично заменяя или дополняя функции, ранее свойственные для человеческого организма и практически не имеет материальных границ своего распространения. Характерно, что данная реальность приходит на смену или дополняет технологию печати, основанную на законах механики и существенно ограниченную в пространстве. С распространением виртуальной реальности расширяются возможности человека, качественно меняются границы работы органов чувств, иногда снижается значение определенных органов восприятия, а следовательно – происходят изменения в сознании и правосознании человека. Виртуальная реальность возникла и получила свое развитие благодаря научно-техническому прогрессу, в соответствии с чем произошли существенные изменения человеческого сознания и деятельности, а впоследствии образовалась и

соответствующая глобализационная парадигма. В то время как на более ранних этапах, предшествующих глобализации и массовой информатизации, в классическом мышлении «доминировало общее и обобщение. В диалоге и intersубъективности (*неклассическое мышление – И.В.*) – индивидуальное и особенное. В коммуникации (*постнеклассическая парадигма – И.В.*) стирается граница между общим и индивидуальным» [5, с. 252]. Так, изменение и структурирование человеческого сознания и правосознания можно проследить в процессе коммуникации посредством сети Интернет, которая, с одной стороны, представляет каждому субъекту возможность для самовыражения, индивидуализации (например, завести свой сайт, ящик электронной почты, стать блогером, написать комментарий) [5, с. 249-250], проявляя содержание индивидуального сознания и правосознания. С другой стороны, в виртуальной реальности широко распространены анонимность, псевдонимы, пароли, скрывающие личность [5, с. 250] и делающие невозможным идентификацию субъекта по аналогии с реальной действительностью, что накладывает отпечаток на его поведение и сознание: в условиях коммуникационной культуры человек не становится обезличенным, но его субъектность раздваивается, осознается и проявляется на различных уровнях по-разному: в реальной и виртуальной действительности. Соответственно происходит усложнение структуры сознания и правосознания, усложняются способы воздействия на них. С одной стороны, сознание приобретает черты универсальности, виртуальной корпоративности, наполняясь экстерриториальными категориями и ценностями, независимо от этнической, конфессиональной и иной принадлежности индивида, без учета специфики его социальных ролей, выполняемых в материальной действительности и обусловленных принадлежностью к определенному Интернет-сообществу. Оно обусловлено контекстом коммуникации посредством социальных сетей, блогов, комментариев и иной активности человека в виртуальной действительности. С другой стороны, сознание, являясь также и индивидуальным актом, в

определенной степени сохраняет свои особенные черты, субъектность, отражающую природные и социальные детерминанты своего развития.

В условиях появления не только материальной, но и виртуальной действительности, существующей на фоне сложных социальных коммуникаций, стираются четкие границы материального и идеального, появляется сложность выбора эффективных способов воздействия на сознание и правосознание. С развитием компьютерных технологий и систем увеличиваются возможности и скорость мыслительных процессов, осуществляемых не только человеком, но и компьютером. Так, если раньше человеку помогали машины, пытаясь сделать его сильнее, быстрее, то в настоящее время человек помогает машине, дополняя ее мыслительные процессы своим сознательным активным творческим началом. Так называемые «материальные расширения» человеческих чувств (их «овнешнение и выражение») образуют замкнутые системы, в то время как «наши личные чувства...не являются закрытыми системами, так как бесконечно переходят друг в друга в том опыте, который мы называем «со-знанием» [6, с. 9], структурируя его на сознание, воспринимающее реальную и сознание, воспринимающее виртуальную действительность.

Виртуальная реальность по своим коммуникационным возможностям, массовости является эффективно работающим каналом передачи информации, который воздействует на коллективное правосознание. В настоящее время работа над формированием индивидуального либо группового правосознания, традиционно выражаемая в правовом просвещении, воспитании и образовании, становится менее эффективной, сложно прогнозируемой, так как практически невозможно с заданной точностью определить все факторы материальной и виртуальной действительности, которые повлияют на сознание индивида. Формирование правосознания, которое ранее сводилось к субъект-объектным (монологичным) отношениям, когда субъекты просвещения, воспитания и образования однонаправленно воздействовали на объект (сознание человека)

теряет свою предсказуемость и снижает вероятность совпадения поставленных целей и достигнутого результата. Вместо этого вызывает большую целесообразность субъект-субъектное (диалогичное) взаимодействие по поводу обмена информацией, составляющей содержание правового сознания, в реальной и виртуальной правовой действительности. Однако если в материальной реальности такая коммуникация ограничена пространственными и временными границами, а также особенностями восприятия человеческим организмом соответствующей правовой информации, то в виртуальной действительности такие возможности коммуникации очень широки. Коммуникационный процесс формирования правового сознания в настоящее время не должен замыкаться только визуальным или слуховым воздействием на индивида в материальной действительности, необходимо усложнение, многофакторность различных уровней воздействия на аудиторию и изучение ее реакции как активного субъекта коммуникации (обратная связь). Требуется диалог, учет реакции аудитории как носителя ранее сложившего правового сознания. В качестве примера можно привести общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов, правовой эксперимент, работу с обращениями граждан и другие направления коммуникации как в материальной, так и в виртуальной действительности.

Таким образом, проводимое К.А. Неволиным разделение законов на естественные и положительные в зависимости от уровня их осознания в настоящее время можно методологически применять при изучении правового сознания. При этом правовое сознание может проявляться в широком смысле в качестве восприятия социально-правовой действительности на основе не только правовых, но и моральных, религиозных ценностей и правового сознания в узком смысле как узко-юридического познания правовых норм из определенных источников. Попытка определения высокого и низкого уровней правосознания, традиционно проводимая в юридической литературе, является негативным результатом унификации и универсализации уже сформировавшегося национального правосознания, базирующегося на началах

правды и справедливости, исторически сформированных и общепринятых в конкретном обществе. Что же касается критериев оценки высокого уровня такого правосознания, то они обычно содержатся в законодательно либо доктринально закрепленных либеральных ценностях, внешне устанавливаемых стандартах, которые могут быть восприняты только международным и (или) межгосударственным уровнем правосознания (законосознания). К.А. Неволиным были выделены социальные, морально-нравственные и географические детерминанты развития законодательства, которые с определенной долей условности можно отнести и к правосознанию. Современная трансформация социально-правовой действительности привела к появлению в ее составе новой, виртуальной правовой реальности и соответствующего ей информационного правового пространства, существование которого влияет на процессы глобализации и регионализации, в том числе и в отношении правового сознания.

Традиционно классификация правового сознания сводилась к делению его в зависимости от носителей на индивидуальное, групповое, массовое и общественное. В настоящее время такая классификация теряет прикладное значение. Так, индивидуальное правосознание ценностно-содержательно подвергается универсализации, омассовляется, в то время как общественное правосознание актуализируется преимущественно в периоды нестабильности (в иных исторических условиях оно приобретает черты неопределенности, аморфности, в силу преобладания индивидуального, частного интереса над общественным). Вместо такой классификации приобретает прикладное значение деление правосознания в зависимости от территориальных и национальных масштабов на международный, межгосударственный и национальный его виды и соответствующая ценностно-содержательная их характеристика в контексте глобализации и регионализации.

В условиях широкого развития наряду с реальной также виртуальной правовой действительности требует переработки механизм формирования

правового сознания, ранее проявляющийся в правовом просвещении, воспитании и образовании и отличающийся своими субъектами, объектом, методами и средствами контроля знаний. Современные реалии вместо этого достаточно неоднородного монологичного механизма диктуют необходимость рассмотрения правовой информатизации как важнейшего непрерывного всеохватывающего, диалогичного, не имеющего территориальных и временных ограничений коммуникативного процесса формирования правового сознания.

Abstract: In the article the author investigates the natural, social and technological factors influencing the content of legal consciousness and its differentiation. The most important cause of globalization and the moulding of a new kind of legal consciousness is development of the legal reality: physical and virtual reality. This makes it necessary to review the mechanism of the formation of the legal consciousness as a complex communication process.

Key words: consciousness; legal consciousness; national, international and inter-state legal consciousness; globalization; regionalization; the communication process of formation of legal consciousness.

Примечания:

1. Лицук А. А. Проблема метода в философии права К. А. Неволлина // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. 2008. № 61. Вып. 6. С. 59-67.

2. Неволлин К.А. Энциклопедия законовещения. – С.-Петербург. гос. ун-т. Юрид. и спец. юрид. фак., Журн. "Правоведение". - СПб., 1997. 399 с.

3. Немировский В.Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/898/784/1219/002-NEMIROVSKIJ.pdf> (дата обращения: 27.10.2015).

4. Социология права: курс лекций: отв. ред. М.Н. Марченко : В 2 т. – М.: Проспект, 2015. – Т. 2. – 342 с.

5. Маркова Л.А. Наука на грани с ненаукой. – М.: Канон+, 2013. 335 с.

6. Маршалл Мак-Люэн. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры; пер. с англ.: А. Юдин. – Киев: Ника-Центр, Эльга, 2004. 432 с.